

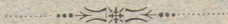
XXVIII, 21.

Проф. Д-ръ А. Шилтовъ.

СРЕДИ БЕЗБОЖНИКОВЪ

(ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ ВРАЧА-ФИЛОСОФА).

Издание книжнаго магазина А. Д. Карчагина.

ХАРЬКОВЪ.

Типографіи Губерискаго Правленія. Петровскій пер., д. № 17.

1895.

КНИЖНЫМЪ МАГАЗИНОМЪ

А. Д. КАРЧАГИНА,

Харьковъ, Московская ул., д. № 6

ИЗДАНЫ И ПРИОБРѢТЕНЫ ЦѢЛЫМЪ ИЗДАНИЕМЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

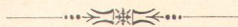
- Бородинъ Н.** Весна. Русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М. 1892 г., ц. 1 р. 25 к. Учен. Ком. М. Н. Пр. допущена въ ученич. бібліотеки для младш. возр.
- Бузольтъ Г.** Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Переводъ съ нѣмецкаго студентовъ Хар. Им. Ун. А (М+В). Одобрень и рекомендованъ Учен. Ком. М. Н. Пр. Съ предисловіемъ и прибавленіями по второму нѣмецкому изданію. Харьк. 1894 г., цѣна 1 р. 75 к.
- Лидовъ А. П.** Проф. Харьк. Техн. Инст. Химическая технология волокнистыхъ веществъ. Съ 28 табл. рисунковъ. Харьк. 1893 г., ц. 3 р.
- Мечъ С. П.** Кавказъ. 3-е изд. М. 1893 г., ц. 50 к. 1-е изд. Реком. М. Н. Пр.
- Финляндія. Геогр. очеркъ. М. 1887 г., ц. 50 к. Одобр. М. Н. Пр.
- Альпы. 2-е изд. М. 1888 г., ц. 30 к. 1-е изд. реком. М. Н. Пр.
- Сахара и Ниль. Географ. очеркъ. М. 1888 г., ц. 30 к. Реком. М. Н. Пр.
- Гренландія. Геогр. очеркъ страны и разсказъ о путешествіи Ф. Нансена, съ 9-ю рисунками. М. 1891 г., ц. 50 к. Одобр. М. Н. Пр.
- Австралія. Геогр. очеркъ. М. 1888 г., ц. 75 к. Одобр. М. Н. Пр.
- Географія, какъ наука и какъ учебный предметъ. М. 1893 г., ц. 20 к.

Прорф. Д-ръ А. Шилтовъ.

СРЕДИ БЕЗБОЖНИКОВЪ

(ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ ВРАЧА-ФИЛОСОФА).

Изданіе книжнаго магазина А. Д. Карчагина.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія. Петровскій пер., д. № 17.

1895.

Годъ 5-й 4-й

СВЯТЫЙ ВЕЩЕЖНИКЪ

Дозволено цензурой. Г. Киевъ, 25-го Апрѣля 1895 года.

Възвѣщеніе Императора Александра II

КАМЕНЬ

Въ 1895 году Императоръ Александръ II

СОДЕРЖАНІЕ.

Объ одностороннемъ образованіи врачей. — Недостаточность физиологіи и психо-физики въ дѣлѣ объясненія психическаго начала. — Сомнамбулизмъ. — Ясновидѣніе. — Предвидѣніе. — Діагнозъ болѣзней. — Телепатія. — Серьезно мыслящій человѣкъ не можетъ быть матеріалистомъ. — Матеріалисты, не постигающіе матеріи. — Видимость, — какъ одна изъ причинъ заблужденія матеріалистовъ. — Личный опытъ крайняго матеріалиста и переходъ его въ лагерь психистовъ. — Случаи сомнамбулическихъ и телепатическихъ феноменовъ, указывающіе какъ на самостоятельное существованіе психическаго начала, такъ равно на существованіе загробной жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Введение. — 2. Описание местности. — 3. Описание населения. — 4. Описание хозяйства. — 5. Описание культуры. — 6. Описание промышленности. — 7. Описание торговли. — 8. Описание транспорта. — 9. Описание связи. — 10. Заключение.

СРЕДИ БЕЗБОЖНИКОВЪ

(посмертныя записки врача-философа).

Недавно я потерялъ одного изъ своихъ лучшихъ друзей доктора N, который передъ смертью прислалъ мнѣ письмо съ просьбою исполнить завѣтное желаніе его—а именно издать въ свѣтъ его записки подъ заглавіемъ „Среди безбожниковъ“.

Исполняя нынѣ съ благоговѣніемъ послѣднюю волю друга, считаю для себя нравственнымъ долгомъ предпослать запискамъ краткую характеристику покойнаго доктора. Докторъ N, будучи казеннокоштнымъ студентомъ, по окончаніи курса наукъ, обязанъ былъ отслужить въ военно-медицинской службѣ опредѣленное число лѣтъ. Службу свою онъ началъ въ сѣверо-западномъ краѣ, въ началѣ 60 годовъ, въ эпоху польскаго возстанія. Не смотря на кочующую военную жизнь, докторъ N занимался съ большимъ рвеніемъ наукою, насколько это было возможно въ глухой провинціи и при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ жизни. Скудный научный матеріалъ въ полковыхъ лазаретахъ у него никогда не пропадалъ даромъ; онъ постоянно сообщалъ свои наблюденія въ различныхъ медицинскихъ журналахъ. На ряду съ медициною онъ живо интересовался

философскими науками. Значительную часть своего небольшого жалованья онъ употреблялъ на покупку медицинскихъ и философскихъ книгъ. Онъ настолько владѣлъ главными европейскими языками, что свободно читалъ всевозможныя сочиненія. Служа въ полкахъ, постоянно приходилось ему сталкиваться съ военнымъ людомъ и съ тѣмъ мало интеллигентнымъ обществомъ, которое можно было встрѣчать въ небольшихъ городкахъ, гдѣ въ то время квартировали многіе наши пѣхотные полки. По его рассказамъ, онъ томился скукою, такъ какъ трудно было найти людей образованныхъ, интересующихся серьезными вопросами. Военные большую часть времени проводили или за картами, или въ попойкахъ, а военные врачи, хотя люди съ высшимъ университетскимъ образованіемъ, большею частію были узкими специалистами безъ всякаго философскаго образованія. Поэтому, когда мы встрѣтились впервые, 30 лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ городовъ сѣверо-западнаго края, гдѣ полки наши стояли въ то время, то докторъ N выражалъ мнѣ неоднократно свое удовольствіе, говоря, что во мнѣ онъ пріобрѣтаетъ давно желанную имъ находку, и что теперь жизнь его будетъ полнѣе въ пріятельскихъ бесѣдахъ со мною. И онъ не ошибся въ своихъ расчетахъ: намъ пришлось жить подрядъ нѣсколько лѣтъ въ одномъ и томъ же городѣ и почти ежедневно проводить вмѣстѣ вечера среди самыхъ оживленныхъ бесѣдъ о важныхъ матеріяхъ. Затѣмъ я вышелъ въ отставку и уѣхалъ на родину, а докторъ N до послѣдняго времени оставался въ сѣверо-западномъ краѣ, и только не задолго передъ смертію оставилъ службу.

Недавно я получилъ извѣстіе о смерти моего друга, и вдова его прислала мнѣ письмо и записки мужа для изданія ихъ въ свѣтъ, согласно предсмертной волѣ покойнаго.

Тѣмъ охотнѣе исполняю предсмертную волю пріятеля, что я всецѣло солидаренъ съ его взглядами и мыслями, которыя высказаны имъ въ своихъ запискахъ. Записки эти, по моему разумѣнію, представляютъ не малый интересъ для каждаго образованнаго человѣка; онѣ содержатъ въ себѣ міросозерцаніе строго логичное, основанное на массѣ наблюденій и опытовъ. При этомъ записки изложены языкомъ живымъ и увлекательнымъ и по объему непространны, что важно для большинства нашихъ интеллигентовъ, которые не обладаютъ большимъ терпѣніемъ читать болѣе или менѣе объемистыя сочиненія серьезнаго содержанія. Чтобы пріохотить нашу интеллигенцію къ чтенію серьезныхъ философскихъ книгъ, необходимо, для успѣха дѣла, преподнести имъ небольшіе трактаты въ родѣ помѣщаемыхъ здѣсь записокъ. Тогда можно будетъ надѣяться, что они будутъ прочитываемы до конца и цѣль авторовъ будетъ достигнута.

30—40 лѣтъ тому назадъ было-бы труднѣе разсчитывать на успѣхъ въ интеллигентномъ обществѣ отъ изданій сочиненій философскаго и религіозно-нравственнаго содержанія, когда умы находились подъ неотразимымъ вліяніемъ матеріалистической школы, чѣмъ теперь, когда наблюдается замѣтный поворотъ въ міровоззрѣніи образованныхъ классовъ общества. Въ то время, какъ у насъ, такъ и за границею, вѣрующихъ интеллигентовъ было немного, тогда какъ въ настоящее время ученые и образованные люди другъ за другомъ изъ матеріалистическаго лагеря переходятъ въ лагерь вѣрующихъ людей. Этому утѣшительному явленію больше всего способствовали въ новѣйшее время успѣхи трансцендентальной психологіи. Въ этомъ отношеніи человѣчество обязано прежде всего англійскимъ и французскимъ ученымъ, которые, пренебрегая насмѣшками общественнаго мнѣнія, имѣли мужество основать въ Лон-

донѣ и Парижѣ психологическія общества и стали издавать спеціальныя журналы для психическихъ изслѣдованій. Примѣръ Лондона и Парижа не остался безъ подражанія: вскорѣ основались и въ другихъ большихъ центрахъ Европы и Америки подобныя же общества, и дѣло психизма быстрыми шагами подвинулось впередъ. И у насъ въ Россіи было основано нѣсколько лѣтъ назадъ психологическое общество въ Москвѣ и общество экспериментальной психологіи въ Петербургѣ.

Чудесныя факты гипнотизма, сомнамбулизма и телепатіи, пропагандируемые во многихъ сочиненіяхъ преимущественно англійскими, французскими и отчасти нѣмецкими учеными, возбудили въ послѣднее десятилѣтіе живой интересъ и у насъ въ Россіи. Не мало русскихъ ученыхъ убѣдились опытнымъ путемъ въ реальности этихъ фактовъ, что пошатнуло въ конецъ матеріалистическое ихъ міросозерцаніе. Этому обстоятельству нужно приписать то, что теперь не рѣдкость встрѣтить въ средѣ нашихъ ученыхъ и въ особенности врачей — лицъ, признающихъ самостоятельное психическое начало, независимое отъ функцій мозга.

Одинъ изъ профессоровъ психіатріи, недавно, въ вступительной своей лекціи, произнесъ, между прочимъ, приблизительно слѣдующія слова: *„въ душевныхъ болѣзняхъ психическое начало не исчезаетъ, ибо остается ощущеніе и соединенное съ нимъ сознаніе; здѣсь нарушается мнѣніе и то только матеріальная его часть“*. Другой профессоръ медицины въ надгробномъ словѣ, посвященномъ преждевременно умершему товарищу, произнесъ въ заключеніе: *„до свиданія, дорогой товарищъ, до будущей загробной жизни“*. Надъ могилою недавно умершаго врача Франковского—этого идеальнаго человѣка, прозваннаго другомъ

бѣдныхъ и несчастныхъ, проф. Харьковскаго университета П. А. Ясинскій въ надгробномъ словѣ произнесъ въ заключеніе: „прости, незабвенный товарищъ, *до свиданія въ будущей жизни*; а теперь, поклонившись праху твоему, вознесемъ горячія молитвы къ Всевышнему *объ упокоеніи души твоей среди праведниковъ*“. Какія многозначительныя слова въ устахъ ученыхъ! Едва ли можно было услышать что нибудь подобное 30—40 лѣтъ назадъ отъ ученыхъ и въ особенности отъ врачей. Я горжусь подобными товарищами, которые, путемъ глубокаго размысленія о жизни, пришли къ вѣрнымъ заключеніямъ о сущности и назначеніи человѣка. Появленіе въ концѣ нашего столѣтія, какъ у насъ, такъ и за границею, вѣрующихъ ученыхъ я считаю великимъ предзнаменованіемъ для будущаго XX вѣка!

Въ своихъ запискахъ докторъ Н энергично возстаетъ, между прочимъ, противъ тѣхъ личностей, которыя будучи отцами семейства или наставниками юношества распространяютъ въ обществѣ безнравственныя и антирелигіозныя идеи. Отъ всего сердца присоединяюсь къ честнымъ протестамъ моего покойнаго друга. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли быть что нибудь неблагоразумнѣе, какъ высказывать публично деморализующіе взгляды и мысли, тѣмъ болѣе, если пропаганду ведетъ не какой нибудь недоразвитый юноша, начитавшійся матеріалистическихъ книжекъ, а опытный мужъ, пожившій не мало на свѣтѣ и имѣвшій досугъ поразмышлять о жизни. Какъ бы человѣкъ ни былъ ограниченъ умственно, но если онъ много и серьезно размышлялъ надъ вопросами жизни, то рано или поздно приходитъ къ умозаключенію, что въ природѣ существуютъ неразгаданныя явленія и силы, а этого вполне достаточно, чтобы не опровергать все и вся безъ всякаго основанія, априорно, что все, молъ, вздоръ и шарлатанство. Чтобы

размышлять надъ жизнью и уразумѣть, что въ природѣ много неразгаданныхъ явленій, для этого не надо быть ни философомъ, ни ученымъ, а просто мыслящимъ человекомъ. А если мы видимъ, что многіе образованные люди и ученые отвергаютъ все безъ исключенія, чего они не знаютъ, то это показываетъ, что они усвоили только лишь извѣстныя знанія, получили одностороннее образованіе или сдѣлались специалистами одной какой нибудь науки. Если они мыслили, то мысли ихъ вращались въ какой нибудь узкой сферѣ,—касалась ли эта сфера практической жизни или отдѣльныхъ специальностей науки,—но мыслящими людьми въ широкомъ смыслѣ слова они никогда не были.

Ученый физикъ или химикъ вполне убѣждены въ томъ, что нѣтъ надобности ломать голову надъ тайною жизни, ибо она, по мнѣнію ихъ, легко объясняется физическими и химическими законами. А для врача, въ дѣлѣ объясненія жизни, ничего не существуетъ больше, кромѣ законовъ физиологій. Словомъ, каждый специалистъ вслѣдствіе исключительныхъ занятій своею специалностію дѣлается одностороннимъ человекомъ съ узкимъ умственнымъ кругозоромъ.

Подобная односторонность знанія и недостатокъ общаго философскаго образованія ведутъ большею частію къ механическому міровоззрѣнію, а отсюда уже и къ безвѣрію. А безвѣріе, въ свою очередь, порождаетъ все зло нашей жизни. Если человекъ считаетъ своимъ единственнымъ отечествомъ планету-землю, гдѣ начинается и кончается весь циклъ его жизни, гдѣ онъ въ концѣ концовъ долженъ превратиться въ прахъ, въ нуль, то что ему за охота во время жизни думать еще о какомъ то долгѣ, о какихъ то нравственныхъ принципахъ, о какомъ то воздержаніи отъ прелестей и соблазновъ жизни. Разсуждая такимъ образомъ, матеріалисты срывають отъ жизни, не разбирая средства,

все, что только она даетъ имъ пріятнаго, что служить ихъ личнымъ выгодамъ и грубой ихъ чувственности. Человѣкъ можетъ быть великимъ математикомъ, фізіологомъ, физикомъ, химикомъ, гистологомъ и пр., но вмѣстѣ съ тѣмъ и великимъ профаномъ и невѣждою въ вопросахъ психизма. Односторонняя ученость или узкая специальность не даетъ человѣку знанія судить правильно объ общихъ проблемахъ бытія; поэтому то обстоятельство, что ученые допускаютъ или отвергаютъ такіа-то мало изслѣдованныя явленія природы—не имѣетъ особаго значенія, такъ какъ ученые, не знакомые съ философскими и психологическими науками, также некомпетентны въ вопросахъ бытія, какъ и профаны. Попробуйте увѣрить какого нибудь ученаго, напр. гистолога, всю свою жизнь просидѣвшаго надъ микроскопомъ, что человѣкъ обладаетъ двойственной натурой, что кромѣ тѣлеснаго организма существуетъ еще другой, духовный или психическій. Онъ вамъ отвѣтитъ, что весь человѣкъ состоитъ только лишь изъ однѣхъ тѣлесныхъ клѣтокъ, и что онъ подъ микроскопомъ никогда не наблюдалъ никакихъ духовныхъ клѣтокъ, *а потому* отвергаетъ существованіе духовнаго организма. Отвѣтомъ своимъ онъ обнаружитъ, несомнѣнно, непониманіе такихъ простыхъ вещей, что наше зрѣніе такъ ограничено, что ему недоступно многое въ природѣ не только духовное, но и матеріальное, напр. разрѣженные пары, атмосферный воздухъ, электрическіе токи, ультрафіолетовые лучи солнца и т. д., и т. д. А гистологъ кромѣ своего микроскопа и микроскопическихъ объектовъ, состоящихъ изъ тканей человѣческаго тѣла—ничего не признаетъ. Для него весь психическій міръ съ его явленіями и законами—тарабарская грамота. Въ простотѣ своей онъ воображаетъ, что вся премудрость вселенной заключается подъ микроскопомъ и нигдѣ внѣ его.

А фізіологъ, объясняя чисто психическіе феномены, какъ ощущение, представленіе и сознаніе при помощи рефлексовъ мозга и ассоціаціи идей, — ровно ничего не объяснить. Онъ забываетъ, что рефлексъ суть простыя движенія, между которыми и сознаніемъ полный перерывъ и непроходимая пропасть, такъ какъ ни одинъ мудрецъ не рѣшится объяснить переходъ движенія въ ощущение и сознаніе; что касается ассоціаціи идей, то идеи не могутъ ассоціироваться сами собою, точно также какъ цифры не могутъ слагаться сами безъ помощи посторонней, разумной силы.

Да и удивляться нечему, что узкіе спеціалисты вопросы бытія объясняютъ съ точки зрѣнія своей спеціальности, такъ какъ познавательный ихъ горизонтъ ограничивается сферою ихъ спеціальности. Да и какимъ же образомъ фізіологъ или гистологъ могутъ судить о психическихъ феноменахъ, когда они не изучали ихъ и считали это излишнимъ для себя. Тутъ удивляться можно не незнанію ихъ, а отрицанію того, чего не знаютъ...

Всегда представители науки отвергали и глумились надъ всѣми новыми открытіями и изобрѣтеніями. Такъ напр. они отвергали въ началѣ возможность устройства телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ, отвергали существованіе метеоритовъ, чуть-ли не свѣше полвѣка отрицали существованіе микробовъ, воспроизведеніе фонографомъ звуковъ человѣческой рѣчи считали за чревовѣщаніе демонстратора и т. д., и т. д. И во всѣхъ этихъ случаяхъ ученые потерпѣли полнѣйшее фіаско. Такое же фіаско потерпѣли они въ новѣйшее время и въ осмѣянномъ животномъ магнетизмѣ, который подъ названіемъ гипнотизма получилъ въ наукѣ право гражданства. Такого же права гражданства дождутся несомнѣнно въ недалекомъ будущемъ, быть

можетъ на зарѣ XX вѣка, телепатія и другіе сверхчужественные психическіе феномены. И только тогда, на нашей планетѣ, въ сердцахъ людей зажгутся огни безсмертія, и невѣрующая часть человѣчества заживетъ новою жизнью, полною упованій въ безсмертіе души и въ загробную жизнь...

Сдѣлавъ въ краткомъ очеркѣ бѣглую характеристику доктора Н, и высказавъ нѣкоторые свои соображенія противъ матеріалистовъ, — перейдемъ теперь къ запискамъ, изъ коихъ читатель можетъ составить болѣе полное понятіе о нравственномъ обликѣ и вообще о міросозерцаніи автора ихъ.

Записки врача-философа.

Умъ конституціонный и положительный можетъ быть только теистомъ или пантеистомъ. И тотъ, и другой свою исходную точку находятъ въ творческой силѣ; но одинъ переноситъ ее внѣ міра, а другой — въ самый міръ.

Пироговъ.

Какъ подумаю часто съ грустью — какой мы, въ самомъ дѣлѣ, жалкій народецъ врачи, если не всѣ, то громадное большинство изъ насъ! Почему же жалкій народецъ, быть можетъ, спроситъ читатель? А потому отвѣчу, я, что мы — врачи по уши погружаемся въ свою медицину, дѣлаемся узкими специалистами, односторонними учеными и, кромѣ своей науки, о другихъ отрасляхъ знанія заботимся очень мало. Односторонность врачей рѣзко бросается въ глаза каждому истинно образованному человѣку; въ интеллигентномъ обществѣ врачи рѣдко могутъ принимать активное участіе въ серьезныхъ бесѣдахъ. Зайдетъ ли рѣчь о

литературѣ, исторіи, астрономіи, философіи и пр.,—врачи затрудняются дебатировать съ людьми разносторонне образованными. Между тѣмъ, врачи, какъ лица съ высшимъ университетскимъ образованіемъ, должны были бы быть болѣе разносторонними въ своихъ познаніяхъ, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что изучать одну какую-нибудь спеціальность недостаточно еще для общей эрудиціи, и всякій, проходящій университетскій курсъ, кромѣ избранной имъ спеціальности, долженъ ознакомиться и съ другими отраслями званія, по крайней мѣрѣ на столько, насколько это необходимо каждому образованному человѣку. Между тѣмъ мы видимъ на дѣлѣ—какъ мало истинно образованныхъ врачей. Вѣдь не даромъ существуетъ эпитетъ—образованный врачъ, и эпитетъ этотъ вмѣняется въ заслугу врачу. А вѣдь по настоящему всѣ врачи, какъ лица съ высшимъ университетскимъ образованіемъ, должны были быть образованными людьми. Но почему же изъ всѣхъ сословій съ высшимъ образованіемъ больше всего выдѣляются своею односторонностію одни только врачи? Вѣдь и другіе спеціалисты, какъ напр., филологи, юристы, натуралисты и пр. также поглощены въ свои спеціальности. Однакожъ, между послѣдними значительно рѣже попадаются люди съ одностороннимъ образованіемъ.

Врачи въ свое оправданіе приводятъ то обстоятельство, что медицина—наука слишкомъ обширная и трудная, при томъ въ ней постоянно дѣлается масса новыхъ открытій и изобрѣтеній, такъ что весь досугъ врача идетъ на чтеніе медицинскихъ журналовъ и лѣченіе больныхъ. Въ этомъ оправданіи, положимъ, есть извѣстная доля правды, но тѣмъ не менѣе всегда можно найти время, дабы была охота, на приобрѣтеніе и другихъ познаній, кромѣ меди-

цины. Если бы на самомъ дѣлѣ врачи не могли бы найти свободныхъ минутъ для другихъ занятій, то исторія медицины не представляла бы намъ такихъ разносторонне образованныхъ врачей, какъ напр. Пироговъ, Билльротъ, Вирховъ и др. Пироговъ былъ не только превосходный врачъ и хирургъ, но замѣчательный педагогъ, психологъ и философъ. Билльротъ былъ не только первоклассный хирургъ, но талантливый музыкантъ и философъ. Вирховъ, всю жизнь занимавшійся безъ усталости медициною, тѣмъ не менѣе находилъ время изучать основательно антропологию и палеонтологию. Не потому ли врачи пренебрегаютъ другими знаніями кромѣ медицины, что они считаютъ послѣднюю самой важной наукой, открывающей имъ ключъ къ раскрытію всѣхъ премудростей. Я не имѣю основанія, конечно, приписывать такое воззрѣніе всѣмъ врачамъ, но тѣмъ не менѣе я зналъ многихъ товарищей, которые полагали, что изученіе человѣка, какъ самаго загадочнаго существа въ цѣпи органическихъ существъ, открываетъ врачу много такого, чего не извѣстно людямъ незнакомымъ съ медициною. Врачи эти полагали, что изученіе мозга и нервной системы человѣка раскрываетъ имъ всѣ загадки жизни. По ихъ понятіямъ, для объясненія жизни достаточно изучать головной мозгъ и нервы, а все остальное объяснить не трудно.

Они говорятъ, что внѣшнія впечатлѣнія міра воспринимаются наружными чувствами, перерабатываются въ мозгу въ ощущеніе, представленіе и сознаніе. Вы и не спрашивайте у нихъ: какимъ образомъ простое движеніе нервовъ переходитъ въ ощущеніе, представленіе и сознаніе, какимъ образомъ рождается мысль въ головѣ человѣка,—они вамъ ничего не объяснятъ, развѣ только произнесутъ какія нибудь ничего не объясняющія фразы въ

родѣ „при помощи рефлекса и ассоціаціи идей“, какъ будто идеи могутъ ассоціироваться между собою сами, безъ помощи нашего „я“. А идеи то откуда берутся, неужто изъ простыхъ движеній нервовъ и атомовъ мозга? На эти вопросы—не ждите отъ нихъ отвѣта. Подобными объясненіями удовлетворяется большинство врачей и полагаетъ, что стремиться далѣе въ глубь вопроса нѣтъ никакой надобности, такъ какъ скальпель и микроскопъ ничего не открываютъ въ мозгу, кромѣ нервной массы и нервныхъ клѣточекъ. Отсюда уже не далеко до гордости и высокомерія, которыми заражены охранители человѣческаго здравія и жизни. Они считаютъ, что привиллегія вѣрно судить о причинахъ жизни принадлежитъ имъ, какъ людямъ компетентнымъ въ вопросахъ объ устройствѣ и управленіяхъ человѣческаго организма. Но они при этомъ забываютъ, что для разгадки человѣка недостаточно знакомства съ однимъ лишь тѣлеснымъ организмомъ, который, какъ мертвое вещество ничего объяснить не можетъ. Разгадка человѣческой жизни лежитъ не въ тѣлесной оболочкѣ, а въ той живой силѣ, которая одухотворяетъ эту оболочку. Поэтому всѣ тѣ, будутъ ли это врачи или не врачи, которые изучаютъ со скальпелемъ и микроскопомъ человѣческое тѣло или производятъ надъ нимъ фізіологическіе или психо-фізическіе эксперименты, никогда, хотя бы они трудились цѣлыя тысячелѣтія,—не поймутъ человѣка въ цѣломъ и не разгадаютъ смысла жизни. Чтобы разгадать человѣка, для этого недостаточно имѣть скальпель и микроскопъ, а нужно изучать явленія и законы человѣческаго духа, что едва ли возможно при посредствѣ нашихъ инструментовъ и аппаратовъ...

Нѣтъ ничего легче, какъ отвергать все безъ всякихъ основаній; для этого не нужно ни ума, ни знанія, а толь-

ко способность произнести одно отрицательное слово. Но тѣ, которые отвергаютъ все въ мірѣ и не признаютъ ни какихъ загадокъ въ природѣ,—люди крайне поверхностные, не способные къ глубокому мышленію и анализу, довольствующіеся какою нибудь несостоятельной аргументаціей, взятою изъ матеріалистическихъ книгъ, или изъ своей незамысловатой головы. Подобные люди не разумѣютъ такихъ простыхъ истинъ, что *человѣкъ не знаетъ, что такое матерія*, хотя можетъ стукнуться ежечасно лбомъ объ стѣну или столъ. Если разложить матерію, то остаются отъ нея одѣ только точки, какъ центры силъ. Если мы видимъ во внѣшнемъ мірѣ какой нибудь предметъ, то это процессъ чисто психическій, такъ какъ мы имѣемъ дѣло первѣ съ зрительнымъ ощущеніемъ, а затѣмъ уже создаемъ себѣ представленіе объ этомъ предметѣ, какъ причинѣ нашего ощущенія.

Человѣку извѣстна только лишь одна сила, такъ какъ онъ ее находитъ въ своемъ мышленіи и въ своей волѣ. *Каждому человѣку первично дано психическое начало и ничего внѣ его. Мы раньше всего знаемъ то, что находится въ нашемъ сознаніи.* Поэтому матеріальныя науки, какъ фізіологія и психо-фізика никогда не откроютъ всѣхъ законовъ психической жизни, такъ какъ имъ доступны тѣ только феномены душевной жизни, которые имѣютъ параллельную матеріальную подкладку. Но существуютъ еще цѣлый рядъ чисто психическихъ феноменовъ, которые лишены всякой матеріальной или фізіологической подкладки. Въ послѣднемъ случаѣ для изученія душевной жизни человѣка необходима помощь трансцендентальной, экспериментальной психологіи и внутренняго опыта или самонаблюденія. Слѣдовательно, въ вопросахъ психизма нужно считать компетентными не тѣхъ врачей или уче-

ныхъ, которые всю жизнь занимались исключительно медициною или вообще матеріальными науками, а тѣхъ образованныхъ людей, къ какимъ бы спеціальностямъ они не принадлежали, которые основательно знакомы съ трансцендентальной психологіей. Къ области трансцендентальной, экспериментальной психологіи я отношу: 1) сомнамбулизмъ, 2) телепатію и 3) научный медиумизмъ. Здѣсь я не буду распространяться о реальности фактовъ сомнамбулизма и телепатіи, такъ какъ въ литературѣ психизма можно найти сотни достовѣрныхъ случаевъ, засвидѣствованныхъ людьми серьезными (см. лондонскій журналъ для психическихъ изслѣдованій за послѣдніе десять лѣтъ, *Phantasms of the living*, статьи проф. фізіологіи Шарля Рише и др.). Что касается научнаго медиумизма, то онъ имѣетъ мало общаго съ такъ называемымъ спиритизмомъ въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, ибо люди, серьезно занимающіеся медиумическими сеансами преслѣдуютъ совершенно инныя цѣли, чѣмъ обыкновенные спириты; цѣль ихъ изучать на сеансахъ явленія и законы человѣческаго духа, другими словами—проявляющіеся на сеансахъ анимическіе феномены безсознательной душевной дѣятельности. И всѣ явленія, по моему крайнему разумѣнію, которыя наблюдаются на медиумическихъ сеансахъ, какъ напр. различные стуки, свѣтовые явленія, фантазмы или призраки и пр.—нужно считать феноменами анимическими, а не спиритическими. Говоря иначе, всѣ эти феномены обязаны своими проявленіями способностямъ духа или одного лица, такъ называемаго медиума, или всѣхъ присутствующихъ лицъ,—вызывать при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ тѣ или другія изъ упомянутыхъ явленій. Приписывать же на сеансахъ всякія физическія явленія (стуки, свѣтовые феномены, движенія предметовъ и пр.)

постороннимъ разумнымъ дѣателямъ, какъ это дѣлаютъ спириты—есть, конечно, заблужденіе. Спиритическая гипотеза о появленіи на сеансахъ духовъ отшедшихъ людей—пока еще покрыта для насъ непроницаемымъ покровомъ. Я по крайней мѣрѣ лично далеко еще не убѣжденъ въ возможности общенія съ духовнымъ міромъ именно на медиумическихъ сеансахъ, хотя, съ другой стороны, этого отвергать категорически также не имѣю достаточныхъ основаній. Я скорѣе склоненъ вѣрить въ общеніе между нашимъ и загробнымъ міромъ, но только внѣ всякихъ медиумическихъ сеансовъ.

Такъ или иначе, мнѣ кажется, что нѣтъ особой надобности прибѣгать къ спиритической гипотезѣ, такъ какъ вѣрно наблюденныя серьезными людьми на сеансахъ явленія—можно въ громадномъ большинствѣ случаевъ объяснять анимически, т. е. способностями духа присутствующихъ лицъ. Такъ напр., если на сеансахъ образуются человѣческія фигуры, которыя можно видѣть отчетливо, а иногда и осязать, то происхожденіе ихъ находится въ тѣснѣйшей связи съ медиумомъ. Для появленія человѣческихъ фигуръ необходимо, чтобы медиумъ впалъ въ трансъ, т. е. въ глубокій, сомнамбулическій сонъ, при чемъ участвующие въ сеансѣ замѣчаютъ, что какъ бы изъ тѣла медиума излучаются бѣлые, блестящіе пары, которые, ступаясь, увеличиваются постепенно въ объемъ, и изъ нихъ формируется человѣческая фигура, иногда очень явственныя, а въ другихъ случаяхъ туманная, не рѣзко очерченная. Иногда фигуры эти двигаются, киваютъ головою и пр., и въ короткое время исчезаютъ безслѣдно, какъ бы тѣло. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ фигуры эти имѣютъ большое сходство въ очертаніяхъ съ медиумомъ. Подобная тѣсная связь призраковъ съ медиумомъ говоритъ, по мо-

ему убѣжденію, въ пользу того, что образованія эти находятся въ тѣсной связи и зависимости отъ трансцендентальнаго субъекта или духа медиума, который (духъ) организуетъ въ однихъ случаяхъ фантомы, въ другихъ—вызываетъ стуки, свѣтовые явленія, движенія предметовъ и т. д. Послѣдній фактъ подтверждаетъ воззрѣніе нѣкоторыхъ философовъ и психологовъ, что человѣческій духъ представляетъ собою организующее начало, такъ какъ онъ есть строитель нашего тѣла. Слѣдовательно, человѣческій духъ проявляетъ свои организаторскія способности и на медиумическихъ сеансахъ, матеріализуя человѣческія фигуры.

Слѣдовательно, на научный медиумизмъ надо смотреть какъ на экспериментальный методъ для изученія безсознательной душевной дѣятельности. Этимъ дѣломъ должны были бы заниматься люди серьезные, стремящіеся къ истинѣ. Короче говоря, надо строго отличать научный медиумизмъ какъ экспериментальный методъ для изученія психическаго міра человѣка отъ обыкновеннаго спиритизма, которымъ занимаются во всѣхъ частяхъ земнаго шара миллионы людей, уповающіе на откровенія изъ загробнаго міра.

Въ теченіи своей продолжительной жизни мнѣ не однократно приходилось бесѣдовать и дебатировать со знаковыми и въ особенности съ товарищами по наукѣ о важныхъ матеріяхъ. Самыми яркими отрицателями всегда заявляли себя наши коллеги; никакіе доводы, никакіе факты, хотя бы констатированные первоклассными мыслителями и авторитетами, не находили въ нихъ вѣры; они только вѣрили въ самихъ себя и въ свой односторонній умъ. Дебаты съ такими людьми объ абстрактныхъ предметахъ приводили меня всегда въ отчаяніе, ибо не было

никакой возможности убѣдить ихъ въ чемъ бы то ни было. Между врачами отличался въ особенности своимъ непреоборимымъ упорствомъ одинъ крайне односторонне образованный субъектъ, который въ теченіи всей своей жизни кромѣ рецептовъ ни чѣмъ не интересовался и ничего не изучалъ. Для него рецепты составляли ключъ ко всѣмъ загадкамъ міра; онъ полагалъ, что кто въ совершенствѣ изучилъ рецептуру, тотъ интуитивно, однимъ только наитіемъ, можетъ разгадать всѣ тайны природы. Въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, вѣчно обставленный цѣлыми томами медицинскихъ книгъ, онъ выписывалъ со всѣхъ новѣйшихъ газетъ, журналовъ и книгъ всевозможные рецепты, и затѣмъ съ необыкновеннымъ паѳосомъ прочитывалъ ихъ своимъ товарищамъ, увлекаясь ими какъ какимъ нибудь гениальнымъ произведеніемъ литературы. Знаніемъ рецептуры онъ сильно гордился, и считалъ себя творцомъ многихъ рецептурныхъ формъ, составленныхъ его гениемъ. Весь катехизисъ его вѣры, вся его „святая святыхъ“—заключались въ рецептахъ.

И этотъ узкій специалистъ имѣлъ еще смѣлость спорить ожесточенно о предметахъ мало ему доступныхъ. Не малый интересъ представляютъ тѣ дебаты, которые я велъ съ этимъ субъектомъ въ продолженіи нѣсколькихъ вечеровъ. По этому я считаю не безынтереснымъ для читателей привести здѣсь вкратцѣ содержаніе нашихъ бесѣдъ.

В. Скажите, почтенный коллега, какъ Вы понимаете сущность человѣка и его назначеніе?

О. Я такого мнѣнія, что человѣкъ есть самый усовершенствованный видъ животнаго; онъ двигается, чувствуетъ и мыслить, какъ и всѣ прочія живыя твари. Затѣмъ съ превращеніемъ функцій организма жизнь пресѣкается и

человѣкъ превращается въ трупъ. Назначеніе его ограничивается земною жизнію и состоитъ въ продолженіи рода.

В. Какіе же у Васъ аргументы въ пользу тождественности интеллектуальныхъ способностей у человѣка и животныхъ?

О. У животныхъ существуютъ тѣ же органы для мышленія, какъ и у человѣка; ерго — животныя могутъ также мыслить, какъ и человѣкъ.

В. Говоря Вашими же словами, что животныя такъ же мыслятъ, какъ человѣкъ, я желалъ бы узнать отъ Васъ: мыслятъ ли животныя такъ же, какъ человѣкъ, о Богѣ и религіи?

О. Э, батенька, все это фразы: какая тамъ религія, какой тамъ Богъ. Я могу вѣрить лишь тому, что я вижу глазами и осязаю руками, какъ напр. рецепты... Вотъ я беру въ руки лоскутокъ бумажки, прописываю рецептъ и больной выздоравливаетъ. Вотъ этотъ рецептъ и есть моя религія, мой Богъ, который исцѣлилъ больного.

В. Вы меня извините за рѣзкую откровенность, но я Вамъ долженъ высказать, что послѣдній дикарь съ какого нибудь острова судить правильнѣе и логичнѣе, чѣмъ Вы, отрицающій Бога. Еслибъ дикарь нашелъ случайно, положимъ, карманные часы, потерянные какимъ нибудь пріѣзжимъ на островъ европейцемъ, то онъ, не выдавшій никогда часовъ, тѣмъ не менѣе сообразилъ бы сразу, что часы эти не могли вырасти изъ земли сами собою, какъ грибокъ, а сдѣланы человѣческими руками и потеряны кѣмъ нибудь. А по Вашей логикѣ выходитъ, что весь міръ съ его безчисленными свѣтилами, земля съ своими неорганическимъ и органическимъ царствами произошли сами собою безъ помощи Высшаго Разума.

Одинъ умный человѣкъ, а именно Вольтеръ, сказалъ,

что еслибъ не было Бога, то нужно было бы его выдумать. Въ этихъ словахъ заключается глубокая истина, ибо какъ бы матеріалисты ни мудрствовали лукаво—они никогда не въ состояніи объяснить вселенную и вѣнца творенія—человѣка безъ помощи Создателя міровъ. Даже Вольтеръ, который считается всѣми за яраго матеріалиста, и тотъ вѣрилъ въ Творца вселенной. Вы сказали, что вѣрите лишь тому, что видите глазами или осязаете руками. А позвольте васъ спросить: много ли мы съ вами можемъ видѣть и осязать въ природѣ? Развѣ можемъ видѣть или осязать воздухъ, которымъ дышемъ, развѣ нашему зрѣнію доступны всѣ лучи солнца, электрическіе или магнитные токи? А если это такъ, то по Вашей теоріи мы не должны вѣрить въ существованіе воздуха, ультрафіолетовыхъ лучей и электрическихъ токовъ, такъ какъ мы не можемъ ни видѣть, ни осязать ихъ. Если существуютъ такимъ образомъ тонкія матеріи, невидимыя для насъ, то о созерцаніи духовнаго организма нашимъ ограниченнымъ зрѣніемъ и рѣчи быть не можетъ. Отсюда логическій выводъ тотъ, что нѣтъ основанія не вѣрить тому, чего мы не въ состояніи ни видѣть, ни осязать. Вы уклонились и не отвѣтили на мой прямой вопросъ: мыслятъ-ли животныя о Богѣ и религіи? Наблюдали ли Вы какихъ нибудь животныхъ, которыя обнаруживали бы въ своихъ поступкахъ слѣды религіозныхъ понятій? Впрочемъ, если Вы признали тождественность между человекомъ и животными, то въ такомъ случаѣ отвѣтъ Вашъ на мой вопросъ становится излишнимъ.

Матеріалистъ относится къ духовной природѣ человѣка точно такъ же, какъ дикія племена къ современной нашей цивилизаціи. Если дикарю, который никогда не слыхалъ о чудесахъ нашей культуры, будутъ повѣствовать о же-

лѣзныхъ дорогахъ, телеграфахъ, телефонахъ и пр., то онъ не только ничему этому не повѣритъ, но подумаетъ, что все это вещи невозможныя. Развѣ не то же самое мы наблюдаемъ у нашихъ интеллигентовъ, которые упорно отказываются вѣрить въ реальность психическихъ феноменовъ, считая послѣдніе фикціею и заблужденіемъ чловѣческаго ума. Если же интеллигенты пользуются всѣми изобрѣтеніями вѣка, то имъ нѣтъ нужды трудиться, потому что все готово къ услугамъ и, не надо имъ шевелить мозгами, пользуясь готовыми результатами чужихъ трудовъ. А тамъ, гдѣ говорятъ о нематеріальныхъ чудесахъ — психическихъ феноменахъ, интеллигенты упорно отказываются вѣрить, такъ какъ послѣдніе не даются имъ готовыми въ руки, они должны сами наблюдать, изслѣдовать, дѣлать эксперименты, чтобы убѣдиться въ существованіи ихъ; поэтому они считаютъ за благо лучше остаться въ невѣдѣніи, чѣмъ приниматься за трудъ, чтобы убѣдиться въ истинѣ.

Да и чтожъ въ самомъ дѣлѣ можетъ быть легче, какъ сдѣлать языкомъ извѣстныя движенія и сказать: все это вздоръ, я ничему не вѣрю, и остаться вполне довольнымъ своей лѣнностію и своимъ невѣжествомъ!

Великій Кантъ говорилъ, что онъ удивляется двумъ вещамъ: звѣздному надъ собою небу и нравственному въ себѣ закону. Интересно было бы знать: солидарны ли Вы, почтенный товарищъ, со взглядомъ знаменитаго философа?

О. Я не раздѣляю мнѣнія Канта и ничему ровно не удивляюсь. На небѣ я вижу только лишь груды освѣщенныхъ камней, а въ самомъ себѣ одни животныя инстинкты.

В. Вѣдь и земля наша состоитъ изъ груды камней, освѣщенныхъ солнцемъ, однако она не есть пустыня, а обитаема живыми существами и въ томъ числѣ разум-

нымъ человѣкомъ; гдѣ же у Васъ основаніе считать всѣ прочіе міры пустынями, состоящими изъ грудъ лишь камней. Если на нѣкоторыхъ небесныхъ тѣлахъ, ближе стоящихъ къ землѣ, доказано существованіе атмосферы, водяныхъ паровъ и пр., то почему не допустить по аналогіи, что и тамъ должна быть органическая жизнь, какъ и на землѣ. Если этого пока доказать нельзя, то по крайней мѣрѣ можно допустить по аналогіи, съ большимъ вѣроятіемъ, тогда какъ для отрицанія въ другихъ мірахъ органической жизни нѣтъ ровно никакого основанія.

Теперь что же касается Вашего утвержденія, что въ Васъ ничего нѣтъ кромѣ животныхъ инстинктовъ, то я полагаю, что Вы горько заблуждаетесь, и только потому, что Вы никогда не задавали себѣ труда вникнуть хорошенько въ самого себя, изучать путемъ самонаблюденія всѣ движенія своего внутренняго естества, вслушиваться чутко въ постоянные запросы духа и требованія сердца. Этотъ недостатокъ интроспекціи выработалъ изъ Васъ крайне поверхностнаго человѣка, довольствующагося внѣшнею стороною жизни, и руководствующагося въ своихъ сужденіяхъ исключительно одною лишь *видимостію* и поверхностнымъ отношеніемъ ко всѣмъ проявленіямъ жизни. Эта видимость какъ результатъ функціи ограниченныхъ внѣшнихъ чувствъ и ввела Васъ въ заблужденіе. Видимость, сама по себѣ не можетъ служить мѣриломъ для безошибочнаго сужденія о вещахъ. Видимость, обусловленная внѣшними чувствами, нуждается въ провѣркѣ разумомъ, наблюденіемъ и опытомъ. Достаточно для этого вспомнить общеизвѣстный фактъ, что до Коперника думали, что земля стоитъ неподвижно, а солнце обращается вокругъ нея. Вотъ наглядный примѣръ заблужденія, когда человѣкъ сужденія свои основываетъ на одной лишь видимости. Вотъ

эта то видимость сбиваетъ съ толку матеріалистовъ и по отношенію къ человѣку и вообще къ внѣшнему міру. Матеріалистамъ не мѣшало бы помнить слова древняго мудреца: „Познай самого себя“. Они не знаютъ себя, а слѣдовательно и вселенную, ибо человѣкъ чрезъ себя только познаетъ внѣшній міръ.

Матеріалистовъ надо считать несчастными людьми, но сами они этого не сознаютъ, а напротивъ того, постоянно находятся въ жизнерадостномъ настроеніи, и отъ жизни срывають всѣ блага, дозволенные и недозволенные, какія только имъ даются въ руки. Среди вѣчнаго самообмана и самообольщенія они сходятъ со сцены жизни, и только предъ таинствомъ смерти смутно содрагается ихъ духъ и выплываютъ наружу укору совѣсти. Эти горькія минуты предъ распаденіемъ тѣлесной оболочки служатъ импульсомъ къ покаянію и горячимъ молитвамъ для тѣхъ, которые всю жизнь глумились надъ молитвою и религіей...

Въ противоположность этому, какая умирительная картина быть свидѣтелемъ кончины вѣрующаго человѣка. Онъ нерѣдко предчувствуетъ приближеніе смерти и готовится къ ней, какъ къ великому празднику. Съ сіяющимъ лицомъ и радостной улыбкой встрѣчаетъ онъ послѣднія минуты земной жизни, и тихо переходитъ въ вѣчность. Мучительная, полная неописуемаго страха, смерть безбожника, и тихая сладостная кончина вѣрующаго,—находятся въ самой тѣсной связи съ ихъ дѣявіями на жизненномъ пути. Мнѣ сдается, что человѣкъ, серьезно мыслящій едва ли можетъ быть матеріалистомъ. Вѣдь матерію ровно ничего не объяснишь. Всюду, куда бы ни обращать взоры, сталкиваемся съ одною лишь силою. Движеніе небесныхъ свѣтилъ, теплота, электричество, магнетизмъ, мысль и сознаніе, человѣка—все это силы. Но въ природѣ су-

ществуютъ силы матеріальныя и слѣпыя, какъ свѣтъ, электричество, теплота; и силы разумныя, какъ сознаніе и самосознаніе человѣка. Но считать силу порожденіемъ матеріи—можетъ только матеріалистъ съ крайне ограниченнымъ умственнымъ кругозоромъ. Я недавно былъ крайне удивленъ, прочитавъ въ печати слѣдующія строки, принадлежащія перу одного изъ нашихъ профессоровъ медицины: „Каждый человѣкъ представляетъ извѣстное количество вещества или матеріи, развивающей изъ себя соотвѣтственное число силы. Такимъ образомъ это будетъ единица вещества, порождающая извѣстную, соотвѣтственную также единицу силы. Эта единица вещества, соотвѣтственно химическому составу отдѣльныхъ своихъ частей, порождаетъ силу, какъ простую грубую, физическую,—такъ и высшую, духовную (Sic!!!) въ видѣ проявленій душевной дѣятельности“. И такъ выходитъ по мнѣнію профессора, что единица вещества порождаетъ то физическую, то духовную силу, смотря по тому, какимъ она обладаетъ химическимъ составомъ. Отсюда прямо вытекаетъ, что духъ рождается изъ тѣла, вслѣдствіе извѣстной химической комбинаціи. Признаюсь откровенно, что я много читалъ бредней въ матеріалистическихъ книжкахъ, но такихъ перловъ не пришлось мнѣ еще до сихъ поръ встрѣчать въ печати. Чтобы утверждать категорически о происхожденіи силы изъ матеріи, намъ прежде всего надо знать—что такое матерія. А такъ какъ этого знанія не достаетъ намъ, то нѣтъ никакого логическаго основанія приписывать происхожденіе силы изъ ~~какого~~ ~~того~~ неизвѣстнаго ~~икса~~. Тутъ опять виновата та же ~~са~~ ~~мая~~ видимость, о которой я говорилъ выше. Не признавая въ ~~человѣкѣ~~ ~~человѣкѣ~~ кромѣ матеріи ни какихъ другихъ началъ, объясняющихъ психическіе феномены, матеріалисты весь ~~центр~~ тяжести вопроса переносятъ на вещество. Но вольно

же имъ источникъ всѣхъ психическихъ феноменовъ искать непременно въ тѣлесномъ организмѣ и игнорировать всецѣло духовную природу человѣка. Вольно же имъ относиться индифферентно къ тѣмъ наукамъ, при помощи которыхъ они имѣютъ возможность изучать явленія и законы человѣческаго духа. Вольно же имъ, наконецъ, быть узкими научными фанатиками и отказываться отъ всякаго изслѣдованія, неотносящагося къ естественно-научному методу. Для отрицанія мало изслѣдованныхъ явленій природы надо имѣть основаніе, и человѣку, незнакому *de facto* съ трансцендентальной психологіей, совершенно недоступны самыя интереснѣйшія и животрепещущія явленія и факты, относящіеся къ душевной его области. Трансцендентальная психологія—наука будущаго, а въ настоящее время она только зарождается и составляетъ достояніе немногихъ интеллигентныхъ людей и ученыхъ, которые вначалѣ приступали къ изученію ея съ предубѣжденіемъ, но съ теченіемъ времени, на основаніи опыта, всѣ безъ исключенія стали въ ряды ея энергичныхъ защитниковъ. Трансцендентальная психологія есть именно та наука, которая въ концѣ концовъ разрѣшитъ загадку бытія. Можно было бы еще кое какъ мириться съ тѣми матеріалистами, которые, упорно отстаивая свои воззрѣнія, тѣмъ не менѣе никому ихъ не навязываютъ, но на мой взглядъ, нѣтъ ничего безнравственнѣе, когда они пропагандируютъ въ обществѣ все одностороннее и вредное ученіе. Каждый честный человѣкъ долженъ исходить изъ того воззрѣнія, что распространяя въ массѣ подобное ученіе, отрицающее религію и Бога, онъ тѣмъ самымъ приноситъ громаднѣйшій вредъ и деморализуетъ общество. Развѣ пороки и злодѣянія не происходятъ главнымъ образомъ отъ недостатка нравственныхъ и религіозныхъ принциповъ?

Недавно я былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ изъ нашихъ коллегъ въ интеллигентномъ обществѣ, глумился безцеремонно надъ такими возвышенными предметами, которые составляютъ „святая святыхъ“ для каждаго порядочнаго человѣка. Когда рѣчь зашла о духовной природѣ человѣка и о Высшемъ Разумѣ, онъ съ саркастическимъ смѣхомъ воскликнулъ: все это вздоръ, обманъ, шарлатанство! Глядя въ эту минуту на него, мною овладѣло невыразимо горькое чувство, и я призадумался надъ тѣмъ, до какой степени интеллигентный человѣкъ можетъ быть ограниченнымъ и закоснѣлымъ, чтобы не подмѣтить внутри себя того нравственнаго закона, который постоянно, каждую минуту, напоминаетъ намъ о своемъ существованіи и о нашемъ долгѣ. До какой степени надо быть погруженнымъ въ житейское море, чтобы все вниманіе, всѣ мысли были поглощены жизненными интересами, чтобы не слышать внутри себя голоса сердца и совѣсти.

Вотъ и Вы, почтенный коллега, отрицаете также духовную природу человѣка. „А скажите мнѣ, какъ объяснить: кто это отрицаетъ въ Васъ—мозгъ ли Вашъ какъ таковой, какъ кусокъ нервной ткани, или Ваше сознаніе, Вашъ разумъ? Если Вы отвѣтите, что мозгъ, то въ такомъ случаѣ Вамъ предстоитъ рѣшить трудную задачу, а именно доказать—какъ можетъ вещество мыслить, чѣмъ и какимъ способомъ? Вѣдь мы въ мозгу ничего не знаемъ, кромѣ молекулярнаго движенія атомовъ; но какимъ же образомъ можетъ зародиться живая мысль въ мертвомъ веществѣ изъ движеній атомовъ? Если же Вы скажете, что отрицаетъ духовную природу человѣка Вашъ разумъ, Ваше сознаніе, то въ такомъ случаѣ я Вамъ отвѣчу, что сознаніе есть духовный элементъ и никто даже изъ материалистовъ не рѣшится причислить его къ матеріальнымъ про-

цессамъ. Ни одинъ психофизикъ не въ состояніи экспериментировать съ сознаниемъ, какъ онъ экспериментировать напр. съ нервами, такъ какъ сознанию, какъ чисто духовному процессу не соотвѣтствуютъ въ мозгу матеріальныя, фізіологическія процессы.—Вы, какъ врачъ, имѣющій дѣло со многими лицами и постоянно вращающійся въ обществѣ, должны быть крайне осторожны въ своихъ выраженіяхъ, чтобы не заронить въ молодые впечатлительныя умы вредныхъ идей. Тѣмъ болѣе Вы не имѣете нравственнаго права быть проводникомъ отрицательныхъ идей, что у Васъ нѣтъ надлежащей подготовки и эрудиции для основательнаго сужденія объ абстрактныхъ предметахъ. Только тотъ человѣкъ можетъ судить болѣе или менѣе правильно о загадкахъ бытія и вообще объ отвлеченныхъ предметахъ, который основательно знакомъ съ философскими и психологическими науками. Иначе будь онъ интеллигентный или дипломированный человѣкъ, но безъ спеціальной подготовки, то сужденія его будутъ такъ же несостоятельны, какъ и сужденія всякаго профана.

Развѣ можно назвать логичнымъ тотъ пріемъ, когда человѣкъ отрицаетъ голословно то, чего онъ совсѣмъ не знаетъ? Было-ли бы благоразумно, еслибъ Вы безъ всякаго основанія стали бы отрицать существованіе на планетѣ Марсѣ правильныхъ каналовъ, открытыхъ Скиапарелли, и на предложеніе убѣдиться въ вѣрности этого факта при помощи телескопа—отвѣтили бы: все это вздоръ, шарлатанство? Точно такимъ же образомъ Вы поступаете и въ вопросахъ психическихъ: когда Вамъ предлагаютъ демонстрировать феномены телепатіи и сомнамбулизма, то Вы отговариваетесь нежеланіемъ убѣдиться въ истинѣ и успокаиваете себя словами: все это вздоръ, не стоитъ думать объ иллюзіяхъ! Нѣтъ, почтенный докторъ, очень стоитъ освѣ-

щать темные уголки своего умственного горизонта и раздвигать шире узкія его рамки! Преодолѣйте свою лѣнь, будетъ Вамъ изучать полвѣка одни только рецепты, страхните съ себя густо осѣвшую пыль узкой спеціальности, раскройте умственныя очи широко, посмотрите въ телескопъ на каналы Скіапарелли, и приходите въ мой кабинетъ созерцать такія чудеса психизма, которыя Вамъ никогда и не снились. Психическіе эти феномены опрокинутъ разомъ все Ваше міросозерцаніе и Вы воспрянете духомъ; повидимому бессознательная и пошлая жизнь получитъ въ Вашихъ глазахъ глубокій смыслъ, и самъ человѣкъ съ его сущностію и назначеніемъ представится Вамъ въ совсѣмъ другомъ свѣтѣ. Тогда навѣрное воскликнете, какъ многіе новообращенные до Васъ: какъ я былъ ограниченъ, каюсь чистосердечно въ своемъ заблужденіи, и благословляю судьбу, что удалось мнѣ, хотя наклонѣтъ, снять бѣльмо съ моихъ умственныхъ очей и узрѣть Божій міръ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ.

Я питаю надежду, добрый товарищъ, дожить до болѣе счастливыхъ дней, чтобы увидѣть Васъ нравственно перерожденнымъ отъ тѣхъ недуговъ, которыми заражены Вы и большинство современныхъ интеллигентовъ.

О. Дай Богъ Вашими устами мѣдъ пить, но мнѣ кажется, что ничто въ мірѣ не можетъ поколебать моихъ убѣжденій и моего прочно установленнаго міросозерцанія. Но во всякомъ случаѣ я воспользуюсь Вашимъ любезнымъ приглашеніемъ и приму участіе въ экспериментахъ по телепатіи и сомнамбулизму.

В. По моей просьбѣ вы доставили пучекъ волосъ отъ ~~какой~~ больной, который мы передали сомнамбулѣ Р. По ~~сказавшая~~ въ глубокомъ сомнамбулическомъ снѣ сказала въ ~~нашемъ~~ присутствіи, что волосы принадлежатъ молодой

женщинѣ, очень малаго роста, болѣзнь которой находится на лѣвой сторонѣ груди, а именно гнѣздится въ сердцѣ; кромѣ того она страдаетъ поясницею и сильными головными болями, сопровождаемыми жестокими рвотами. Вы не мало были удивлены ея точному діагнозу, и съ недоумѣніемъ доискивались причины, какъ могла она угадать болѣзнь особы, которую она не знала и никогда не видѣла.

Меня равнымъ образомъ нельзя было заподозрить въ сообщеніи ей какихъ либо свѣдѣній, такъ какъ я самъ не зналъ лично больную и ничего не слыхалъ о ея болѣзни. Видя ваше удивленіе, я вамъ сообщилъ, что случай этотъ можно объяснить отчасти передачею мысли отъ васъ сомнамбулѣ, при условіи, конечно, если вамъ была извѣстна ея болѣзнь, хотя вы не вѣрите и въ мысленную передачу, такъ какъ послѣднюю нельзя объяснить матеріалистически. Но я обѣщалъ показать Вамъ другіе, болѣе удивительные случаи, гдѣ о передачѣ мысли не можетъ быть рѣчи. Я сдержалъ свое обѣщаніе и демонстрировалъ Вамъ другую сомнамбулу С, которая узнала болѣзнь Вашей родственницы, живущей далеко въ провинціи, недугъ которой не былъ извѣстенъ и Вамъ самимъ. Этимъ вторымъ случаемъ сомнамбулическаго ясновидѣнія я сдѣлалъ брешь въ Вашемъ невѣріи, и Вы вынуждены были если не сдаться окончательно, то по крайней мѣрѣ проникнуться сильнымъ сомнѣніемъ въ вѣрности своей матеріалистической доктрины.

Не довольствуясь этимъ, я надъ Вами продолжалъ телепатическій опытъ, который окончательно сбилъ Васъ съ позиціи и привелъ въ сильное недоумѣніе. Изъ своего кабинета я воздѣйствовалъ на Васъ на протяженіи приблизительно 60 футовъ, и Вы, находясь въ пятой комнатѣ отъ меня, и ничего не подозревая о моемъ опытѣ, уснули

и въ сонномъ состояніи явились ко мнѣ въ кабинетъ, согласно моему мысленному требованію. Послѣ этого опыта Ваше удивленіе не знало границъ, и Вы въ экстазѣ воскликнули: „я ничего не понимаю, что творится на Божьемъ свѣтѣ; я не подозрѣвалъ, что могутъ существовать такія поразительныя явленія въ природѣ“. Не вы одни изъ лагеря матеріалистовъ, въ виду подобныхъ фактовъ, были поставлены въ тупикъ и приперты къ стѣнѣ; цѣлая плеяда людей серьезныхъ и ученыхъ, между которыми встрѣчаются свѣтила науки, подъ напоромъ неопровержимыхъ психическихъ фактовъ должны были отказаться отъ своего механическаго міровоззрѣнія и присоединиться къ адептамъ психизма.

Кто только былъ свидѣтелемъ феноменовъ сомнамбулизма или телепатіи, тотъ будь болѣе матеріалистъ, чѣмъ Бюхнеръ или Фогтъ, невольно подтвердитъ слова Гамлета: „Другъ Гораціо, есть много вещей на свѣтѣ, которыя не снілись нашимъ мудрецамъ“. При первомъ представившемся случаѣ я общаю Вамъ демонстрировать и такихъ сомнамбуловъ, которые въ глубокомъ снѣ предсказываютъ все теченіе болѣзни, а иногда и часъ выздоровленія или смерти. И подобные факты предвидѣнія наблюдались какъ нашими, такъ и иностранными врачами, изучавшими сомнамбулизмъ.

Теперь вникните хорошенько въ смыслъ этихъ фактовъ: человекъ въ глубокомъ сомнамбулическомъ снѣ проявляетъ такія душевныя способности, которыя у него отсутствуютъ въ бодрственномъ состояніи, или вѣрнѣе—находятся въ скрытомъ состояніи. Другими словами, въ нашемъ эмпирическомъ или чувственномъ сознаніи (внѣшнее „я“), никогда не проявляются тѣ способности или дары, какіе намъ приходится наблюдать въ сомнамбулизмѣ. Извѣстно,

что человекъ въ бодрственномъ состояніи лишенъ способности ясновидѣнія или дара предвидѣнія. Чѣмъ же это можно объяснить? Когда человекъ бодрствуетъ, то подъ вліяніемъ чувственныхъ воспріятій внѣшняго міра выступаетъ на первый планъ его внѣшнее „я“: въ это время онъ живетъ исключительно чувственнымъ сознаніемъ, а бессознательная душевная дѣятельность находится въ скрытомъ состояніи, или какъ выражаются психологи, подъ психо-физическимъ порогомъ. При погруженіи же въ глубокій сомнамбулическій сонъ чувственное сознаніе ослабляется, такъ какъ внѣшній міръ дѣйствуетъ на человека слабо или совсѣмъ не дѣйствуетъ, а выступаетъ на сцену бессознательная душевная дѣятельность или все равно внутреннее „я“, вслѣдствіе перемѣщенія психо-физическаго порога. Въ этой то бессознательной или вѣрнѣе сверхсознательной душевной дѣятельности и кроются всѣ тѣ чудесныя способности, которыя намъ приходится наблюдать у сомнамбуловъ въ глубокомъ снѣ, а также въ телепатіи.

Въ глубокомъ снѣ сомнамбулы говорятъ съ воображаемымъ постороннимъ лицомъ, называя по имени, и считая его своимъ хранителемъ или руководителемъ,—это конечно, не болѣе, какъ иллюзія. Въ этомъ случаѣ, сомнамбулы бесѣдуютъ сами съ собою, вѣрнѣе бесѣда происходитъ между двумя лицами субъекта. Нужно знать, что трансцендентальный субъектъ вслѣдствіе перемѣщенія психофизическаго порога раздвояется на два лица (внѣшнее или чувственное, внутреннее или трансцендентальное я). Упомянутыя выше чудесныя способности человека безспорно принадлежать внутреннему или трансцендентальному „я“.

Вы, пожалуй, скажете: почему же способности эти непремѣнно приписывать трансцендентальному „я“, когда, быть можетъ, можно было бы объяснить ихъ какъ нибудь

проще, физиологически. Въ такомъ случаѣ я былъ бы очень радъ услышать отъ Васъ или отъ кого нибудь другого подобное физиологическое объясненіе. Но врядъ ли удастся кому нибудь объяснить физиологически чисто психическія феномены. По моему, если наше чувственное или внѣшнѣе „я“ не обладаетъ этими способностями въ бодрственномъ состояніи, то не остается ничего болѣе, какъ проявленіе ихъ приписать внутреннему или трансцендентальному „я“, которое выплываетъ какъ бы изъ подъ психофизическаго порога и дѣйствуетъ свободно только во время глубокаго сна, когда чувственные воспріятія внѣшняго міра сводятся къ нулю.

А физиологія можетъ имѣть дѣло только лишь съ чисто матеріальными явленіями, такъ напр. она можетъ измѣнить время отъ момента раздраженія нерва до появленія ощущенія, изучать рефлексы и пр., но сужденіе о натурѣ ощущенія, откуда и какимъ образомъ оно возникаетъ, какъ формируется представленіе и сознаніе, — все это составляетъ для физиологіи недостижимые во вѣки идеалы...

Но Вы можете усомниться въ реальности способностей сомнамбуловъ, а видѣнные Вами лично факты объяснять случайными совпаденіями съ истиною. Въ такомъ случаѣ, если Вы не даете вѣры моимъ наблюденіямъ и наблюденіямъ многихъ, извѣстныхъ европейскихъ врачей, то единственный способъ убѣдиться въ вѣрности фактовъ будетъ заключаться въ томъ, чтобы Вы сами, путемъ опыта, познали истину. Не трудно отыскать въ обществѣ, въ средѣ своихъ знакомыхъ, чувствительную особу и съ нею экспериментировать.

О. Вы вѣрно угадали мои мысли: не смотря на то, что и въ началѣ безконечно былъ пораженъ всѣмъ видѣннымъ въ Вашихъ демонстраціяхъ, но затѣмъ я сталъ сомнѣваться

въ реальности ясновидѣнія и предвидѣнія сомнамбуловъ. Мнѣ думается, что если картины, представляющіяся воображенію сомнамбула или его предсказанія — бываютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе или менѣе вѣрны съ дѣйствительностію или сбываются приблизительно, то нельзя ли это считать простою случайностію. Вѣдь и гадалыщики иногда предугадываютъ удачно обстоятельства жизни, — развѣ это можно считать ясновидѣніемъ или предвидѣніемъ.

В. Вы смѣшиваете двѣ совершенно различныя вещи, а именно простой обманъ съ цѣлью наживы съ природнымъ даромъ человѣка, коренящимся въ духѣ его. Современные гадалыщики, какъ и древніе авгуры говорятъ всегда двусмысленно, общими мѣстами, и выставляютъ передъ челоувѣкомъ такія обстоятельства, которые очень часто случаются въ жизни каждаго человѣка. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что гаданія эти иногда соотвѣтствуютъ приблизительно истинѣ. Совершенно иное дѣло у сомнамбуловъ: у послѣднихъ ясновидѣніе бываетъ часто поразительное, они иногда описываютъ до мелочей всю обстановку неизвѣстной имъ квартиры у больныхъ, живущихъ за сотни верстъ отъ сомнамбула. Далѣе, они предсказываютъ нерѣдко все теченіе болѣзни даже часть выздоровленія или смерти. Понятно, что здѣсь о простой случайности и рѣчи быть не можетъ, такъ какъ ясновидѣніе и предвидѣніе оправдываются часто съ математическою точностію.

Если бы вамъ до появленія на свѣтъ фонографа сказали бы, что изобрѣтенъ такой аппаратъ, который съ математическою точностію воспроизводитъ звуки человѣческаго голоса, то Вы навѣрно усомнились бы въ такомъ чудѣ, какъ теперь сомнѣваетесь въ чудесахъ сомнамбулизма. Но чтобы сразу увѣровать въ дѣйствіе фонографа, Вамъ толь-

ко стоило убѣдиться на дѣлѣ въ воспроизведеніи имъ чело-
вѣческой рѣчи. Гдѣ сотни свидѣтелей не могли бы заста-
вить Васъ вѣрить имъ на слово,—тамъ моментально увѣ-
ровали въ техническое чудо, благодаря личному свидѣ-
тельству своихъ чувствъ. Точно такой же путь можете
избрать и въ дѣлѣ убѣжденія въ чудесныхъ способностяхъ
человѣческаго духа. Никто не мѣшаетъ Вамъ обратиться
къ живому фонографу (сомнамбулу), который превзойдетъ
металлическій мертвый аппаратъ тѣмъ, что не только вѣр-
но воспроизведетъ невѣдомыя ему явленія, происходящія
въ настоящемъ, но еще пророческимъ окомъ проникнетъ
въ глубь будущаго съ математическою точностію. Если
Вы не полѣнились идти смотрѣть на фонографъ мертвый,
неужели не хватитъ у Васъ на столько любознательности,
чтобы созерцать живаго фонографа и узнать много та-
кого, что составляетъ животрепещущій и самый дорогой
интересъ для каждаго человѣка.

О. Воспользовавшись Вашими совѣтами, я эксперимен-
тировалъ недавно съ нѣсколькими чувствительными осо-
бами (сенситивами) и пришелъ къ такому заключенію,
что сомнамбулическіе и телепатическіе феномены состав-
ляютъ неопровержимый фактъ, и всякій, кто только же-
лаетъ убѣдиться въ этомъ, долженъ прибѣгнуть къ лич-
ному опыту. Въ каждомъ человѣкѣ есть врожденная склон-
ность къ отрицанію всего неизвѣстнаго, необычайнаго,
недоступнаго уму; никакія увѣренія, никакія клятвы не
заставятъ человѣка вѣрить въ какія нибудь чудесныя яв-
ленія, пока онъ не убѣдится въ нихъ личнымъ своимъ
опытомъ и наблюденіемъ. Я долгіе годы упорно отрицалъ
духовный міръ и глумился надъ возвышенными предме-
тами, но теперь, послѣ личнаго опыта, признаюсь въ сво-
емъ заблужденіи, и радуюсь, что удалось мнѣ въ концѣ

концовъ убѣдиться въ полной несостоятельности матеріалистической доктрины. Такимъ путемъ шли до меня всѣ вѣрующіе, и такой же путь предстоитъ всѣмъ тѣмъ, кои будутъ стремиться въ будущемъ къ познанію реальности духовнаго міра. Къ вѣрѣ въ подобные чудесные феномены ведетъ одинъ только путь — путь наблюденія и личнаго опыта.

К о н е ц ъ.

Примѣчаніе. Въ дополненіе къ запискамъ покойнаго моего друга я приведу здѣсь для иллюстраціи нѣсколько примѣровъ трансцендентальныхъ способностей человѣка въ сомнамбулическомъ снѣ, а именно дара ясновидѣнія, предвидѣнія, инстинкта самоврачеванія, діагноза и лѣченія чужихъ болѣзней. Для большей убѣдительности я буду цитировать исключительно такіе случаи, которые наблюдались людьми компетентными, а именно врачами. Ниже слѣдующіе случаи заимствованы мною изъ сочиненій Дю Прея и фізіолога Шарля Рише.

Д-ръ Соважъ обнаруговалъ о четырехъ своихъ пациенткахъ, предсказавшихъ правильно день и часъ своей смерти, и объ одномъ 60 лѣтнемъ старикѣ, предсказавшемъ мѣсяцъ своей смерти и умершемъ отъ лихорадки (Sauvage, Nosologie, 11, 738). Сомнамбула д-ра Бендсона въ точности опредѣлила время освобожденія своего отъ глисты и даже описала длину послѣдней (Kiesers Archw, XI, 1, 161). Одна сомнамбула, по фамилии Лежандре, сдѣлала слѣдующій діагнозъ болѣзни своей матери: „правое легкое сморщено и сдавлено, облечено тягучей и клейкой оболочкой и плаваетъ въ водянистой влагѣ. Это легкое уже не

дышетъ, оно умерло. Въ околосердечной сумкѣ находится нѣкоторое количество воды“. Согласно предсказанію сомнамбулы, мать ея на другой день умерла, и врачи Друзаръ и Моро (секретарь королевской медицинской академіи) произвели вскрытіе трупа, и оно вполне подтвердило вышеприведенный діагнозъ (Gauthier, Histoire de somnambulisme, 11, 365).

Когда въ Сальпетриерѣ, въ Парижѣ, для опредѣленія болѣзни одной особы, погрузили въ сонъ сомнамбулу, то она еще до прибытія больной пришла въ сильное возбужденіе, и отказалась дать діагнозъ въ ея присутствіи. Когда же больная удалилась, то сомнамбула въ противность медицинскому діагнозу, состоявшему въ томъ, что у нея грудная болѣзнь, констатировала у нея болѣзнь сердца и предсказала, что на четвертый день у нея будетъ сильное кровотеченіе, а на девятый она умретъ. Это предсказаніе сомнамбулы исполнилось въ точности, діагнозъ оказался правильнымъ. (Mirville, Pneumatologie, 1, 32, Paris).

Докторъ Фодере въ своей пнейматологіи рассказываетъ объ одной молодой дамѣ, которая была погружена въ сомнамбулическій сонъ для опредѣленія болѣзни своей матери. Во снѣ она со слезами объявила, что мать ея должна умереть на другой день. При этомъ она подробно описала состояніе внутреннихъ органовъ больной: легкихъ, печени и пр. Вскрытіе тѣла умершей на другой день матери подтвердило правильность діагноза сомнамбулы.

Проф. Эннемозеръ зналъ одну сомнамбулу, у которой представленіе о ея лекарствѣ приняло образъ большаго, наполненнаго молокомъ орѣха; согласно ея описанію, онъ былъ величиною съ голову и окружёнъ волокнистымъ мясомъ. Только основываясь на точномъ описаніи сомнамбу-

лою дерева, догадались, что она видѣла во снѣ кокосовый орѣхъ, выписали этотъ плодъ изъ Гамбурга и стали давать ей его, вслѣдствіе чего она стала съ каждымъ днемъ поправляться въ здоровьѣ. (Ennemoser, *Der Magnetismus*. 140, Leipzig, 1819).

Г-жу Марнитцъ болѣе 20 врачей тщетно лѣчили въ теченіи многихъ лѣтъ отъ болѣзни сердца, но больная, сдѣлавшись сомнамбулою, постигла свою болѣзнь, опредѣлила ея ходъ и выздоровѣла вслѣдствіе исполненія своихъ собственныхъ врачебныхъ предписаній (Dr. A. Schmidt, *Be-ring von der Heilung der Frau Marnitz*. Berlin, 1816).

Теперь опишемъ нѣсколько опытовъ извѣстнаго парижскаго физиолога проф. Шарля Рише.

Опытъ 1 октября 1886 года съ сомнамбулой Алисой. Мой сотоварищъ и другъ профессоръ Фонтанъ приноситъ съ собою прядь волосъ отъ своего больного, не говоря ни слова о характерѣ болѣзни. Вотъ точныя слова Алисы, когда она взяла принесенные волосы: „это человѣкъ очень смуглый и блѣдный; онъ страдаетъ болѣзнью груди и еще... (здѣсь она останавливается и заноситъ руку назадъ къ лѣвой ягодицѣ). Онъ не лежитъ въ постели, но тѣмъ не менѣе очень боленъ (она показываетъ на лѣвую сторону груди и лѣвый бокъ). Онъ страдаетъ здѣсь. Онъ не кашляетъ много“. Это былъ первый мой опытъ съ Алисой и очень интересный, такъ какъ больной, волосы котораго принесъ съ собою профессоръ Фонтанъ,—молодой Тулонскій работникъ, чахоточный, но однако кашляющій мало и мало лежащій въ постели. Онъ поступилъ въ госпиталь вслѣдствіе фистулы въ ягодицѣ, отъ которой онъ страдалъ больше, нежели отъ своей чахотки.

Опытъ 18 сентября 1886 года, съ сомнамбулой Алисой. Г. Герикуръ присылаетъ мнѣ волосы подъ № № 1 и 2.

Относительно № 1 Алиса говорить, что эти волосы принадлежат кому то, кто не боленъ, быть можетъ г. Герикуръ или его женѣ, что было совершенно справедливо, такъ какъ это были дѣйствительно волосы самаго Герикюра, что въ то время я самъ не зналъ. Опытъ въ тотъ же день. Спрошенная относительно № 2, Алиса отвѣтила слѣдующее: „эти волосы причиняютъ мнѣ боль, чего я еще никогда не испытывала: я задыхаюсь. Эти волосы кого нибудь изъ его домашнихъ. Когда я къ нимъ прикасаюсь, я чувствую себя всю охваченную: и тѣло и голову. Это—женщина, которая лежитъ въ постели и очень страдаетъ. Она очень больна, съ нею кризисъ, она задыхается. У нея боли возлѣ почекъ. Она показываетъ на бока и на нижнюю часть живота. Она не можетъ вставать и очень еще молода. Стоитъ мнѣ прикоснуться къ этимъ волосамъ, какъ я чувствую спазмы и судороги. За тѣмъ все проходитъ и остается только головная боль. У нея нѣтъ ни лихорадки, ни какой нибудь внутренней болѣзни, ни раны, но только сильные нервные припадки“. Вотъ слова, которыя я записалъ, прежде чѣмъ узналъ характеръ болѣзни той особы, волосы которой мнѣ были доставлены: узналъ я это лишь спустя восемь дней. Дѣло шло о волосахъ госпожи Герикуръ, совершенно здоровой, и я уже полагалъ, что опытъ совершенно не удался; но неудача оказалась, однако, полной удачей, такъ какъ г-жа Герикуръ за девять дней передъ симъ родила, такъ что на описаніе, данное Алисой можно смотрѣть, какъ на довольно точное описаніе страданій, сопровождающихъ роды.

Опытъ съ сомнамбулой Еленой, 27 Февраля 1887 г. Г. Герикуръ только что вернулся отъ одной больной и спрашиваетъ Елену о характерѣ болѣзни своей паціентки. Во время опыта онъ не произноситъ ни одного слова, и пре-

доставляетъ мнѣ одному дѣлать всѣ необходимые вопросы. Вотъ точный отвѣтъ Елены: „безпокойство и упадокъ духа, одышка, сильная боль здѣсь слѣва (она показываетъ на окологрудную область). Здѣсь центръ болѣзни, здѣсь какъ бы сумка, которую нужно опорожнить, такъ какъ это меня душитъ. Есть также головная боль, но это второстепенная вещь, а самое существенное—это сумка подъ сердцемъ, которая причиняетъ лихорадку и болѣзнь; нужно ее очистить“. Диагнозъ этотъ можно считать весьма удачнымъ, такъ какъ дѣло шло о чахоточномъ больномъ, имѣвшемъ большую каверну, наполненную гнойной матеріей въ нижней части лѣваго легкаго, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ показывала сомнамбула, и вызывавшую именно тѣ самыя болѣзненные страданія, на которыя она жаловалась. При этомъ я вполне увѣренъ, что Герикуръ ни словомъ ни жестомъ не подалъ ни малѣйшаго указанія сомнамбулѣ.

Считаю полезнымъ къ этимъ примѣрамъ сомнамбулическихъ феноменовъ присовокупить нѣсколько еще случаевъ телепатіи (воздѣйствіе на разстояніи одного человѣка живаго или отшедшаго на другаго), проявляющейся или на яву или во снѣ. Эти случаи заимствованы мною изъ сочиненія Д. Булгаковского и изъ моей книги „О безсмертіи души“. Вотъ эти случаи: 1) въ 1856 году кучка товарищей студентовъ Лондонскаго университета имѣла обыкновеніе собираться въ одномъ ресторанѣ поболтать вмѣстѣ часокъ—другой. Въ одинъ прекрасный вечеръ разговоръ принялъ мистическое направленіе, и одинъ изъ молодыхъ людей безапелляціонно заявилъ, что по его мнѣнію, съ окончаніемъ земной жизни для человѣка кончается все. Товарищи въ числѣ трехъ—четырехъ человѣкъ стали ему возражать, но онъ твердо и спокойно стоялъ на своемъ, и наконецъ предложилъ имъ дать между собой клят-

ву: кто изъ нихъ первымъ умереть, долженъ явиться остальнымъ въ этомъ самомъ ресторанѣ въ доказательство безсмертія души всѣмъ заразъ. Всѣ на это предложеніе согласились и дали клятву. Пришелъ учебный годъ. После каникулъ еженедѣльные собранія въ ресторанѣ возобновились.

Какъ то вечеромъ студенты, человѣкъ пятнадцать сидѣли у камина и беззаботно бесѣдовали, какъ вдругъ одинъ изъ товарищей громко вскрикнулъ и указалъ рукою на пустой темный уголъ, куда онъ смотрѣлъ, не сводя отъ ужаса широко раскрытыхъ глазъ. Всѣ посмотрѣли въ уголъ, и всѣ, какъ одинъ человѣкъ увидали туманную фигуру, въ которой узнали своего товарища, еще не возвратившагося съ каникулъ.

Онъ стоялъ въ темномъ углу комнаты и скорбнымъ, какъ бы упрекающимъ взглядомъ смотрѣлъ на присутствующихъ. Мало по малу явившійся какъ-бы сталъ таять въ воздухъ и наконецъ исчезъ совершенно. Въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ всѣ молчали, наконецъ скептикъ первый пришелъ въ себя и грустнымъ, дрожащимъ голосомъ проговорилъ: „Бѣдняга Джемсъ умеръ и явился намъ по данной клятвѣ; отнынѣ я уже никогда не позволю себѣ сомнѣваться въ великихъ христіанскихъ истинахъ, а тѣмъ болѣе говорить о нихъ легкомысленно“ (Петербургскій Листокъ, 1892 г., № 85).

2) Иванъ Афанасьевичъ Працевъ, молодой офицеръ, участвовалъ въ усмиреніи польскаго мятежа въ 1831 г., разсказывается въ одномъ изъ распространенныхъ журналовъ. Деньщикомъ былъ у него въ эту пору Наумъ Середъ. Въ одной изъ перестрѣлокъ смертельно ранили Середу, и умирая, онъ просилъ Працева переслать матери его находящіеся при немъ три золотыхъ.

— Непремѣнно исполню твое порученіе, отвѣтилъ Пращевъ, и не только эти три золотыхъ, но я отъ себя еще прибавлю за вѣрную твою службу.

— Чѣмъ же я васъ, Ваше благородіе, отблагодарю, со стономъ проговорилъ умирающій.

— А вотъ, если умрешь, приди ко мнѣ съ того свѣта въ тотъ день, когда я долженъ умереть.

— Слушаюсь, ваше благородіе, отвѣтилъ Середа, и вскорѣ умеръ.

Однажды, пользуясь превосходной погодой (это было черезъ 30 лѣтъ послѣ смерти Середы), Пращевъ, его жена, дочь и ея женихъ были въ саду ночью. Собака, постоянно бывшая при Пращевѣ, вдругъ бросилась вдоль по аллеѣ, какъ обыкновенно бываетъ, когда собака завидитъ чужаго. За ней послѣдовалъ Пращевъ и чтожь? онъ видитъ подходитъ къ нему Середа.

— Ты что, Середа, скажешь? Развѣ сегодня день моей смерти? спросилъ Пращевъ.

— Такъ точно, ваше благородіе, пришелъ исполнить ваше приказаніе, день вашей смерти наступилъ, отвѣтилъ неземной вѣстникъ и скрылся.

Пращевъ немедленно приготовился къ смерти по христіанскому обряду, исповѣдался и причастился св. Таинъ, сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія. Но смерти не было. Около 11 часовъ вечера 17 мая Пращевъ былъ со всѣми домашними въ саду; вдругъ раздался женскій крикъ, и у ногъ Пращева, какъ у своего помѣщика, просила помощи жена повара: за нею гнался мужъ ея. Онъ подскочилъ къ Пращеву и большимъ поварскимъ ножомъ нанесъ ему въ животъ смертельную рану, отъ которой тотъ тотчасъ-же умеръ. (Нива, 1880 г. № 15—17).

3) Въ 1821 году, вскорѣ послѣ смерти Наполеона I на

островъ св. Елены, поставленный вмѣсто него на престолъ Франціи изъ прежней династіи Бурбоновъ. Людовикъ XVIII въ одну ночь лежалъ въ своей спальнѣ, но долго не могъ заснуть и думалъ о Наполеонѣ. Свѣчи тускло горѣли, на столѣ лежала корона французскаго государства и брачный контрактъ маршала Мармона. Этотъ контрактъ предложенъ былъ для подписи Наполеону, но военныя событія помѣшали утвержденію его, и вотъ онъ опять лежитъ предъ Людовикомъ. Часы на храмѣ Богоматери пробили полночь. Едва затихъ послѣдній ударъ, отворилась дверь спальни, которую заперъ самъ Людовикъ, взшелъ Наполеонъ, подошелъ къ столу, надѣлъ на себя корону, взялъ брачный контрактъ и потомъ перо, въ это время чувства оставили Людовика. Когда онъ пришелъ въ себя, было уже свѣтлое утро. Первымъ дѣломъ его было осмотрѣть дверь, она найдена запертою на замокъ и еще задвижкой изнутри, затѣмъ король подошелъ къ столу и нашелъ контрактъ, подписанный именемъ „Наполеона“. Дальнѣйшее изслѣдованіе показало, что *нѣкоторые слуги, домо дожидавшіе своихъ товарищей, въ полночь видѣли блѣдный призракъ, спавшій въ комнату короля*. Почеркъ подписи императора на контрактѣ былъ признанъ за истинный, и этотъ замѣчательный контрактъ находился еще въ 1847 году въ королевскомъ архивѣ въ Парижѣ (Шальбергъ о безсмертіи, стр. 42).

4) Когда умерла шведская королева Ульрика въ своемъ замкѣ и положена была въ гробъ, то въ передней комнатѣ отрядъ королевской гвардіи держалъ печальный караулъ. Въ полдень явилась въ пріемную любимая королевою графиня Стенбокъ изъ столицы Стокгольма и начальникъ стражи проводилъ ее къ тѣлу королевы. Такъ ~~какъ~~ она долго не возвращалась, капитанъ гвардіи отво-

рилъ дверь и отъ ужаса остоленѣлъ. Тогда поспѣшили къ нему присутствовавшіе офицеры, и ясно увидѣли черезъ открытую дверь королеву, сидѣвшую въ своемъ гробу и обнимавшую графиню Стенбокъ. Видѣніе казалось какъ бы плавающимъ въ воздухѣ, но скоро превратилось въ густой туманъ: но когда туманъ разсѣлся, тѣло королевы лежало въ гробу по прежнему, а графини Сенбокъ нигдѣ не оказалось въ замкѣ. Тотчасъ же послали курьера съ извѣстіемъ объ этомъ въ Стокгольмъ и былъ привезенъ отвѣтъ, что графиня Стенбокъ не оставляла столицы, но умерла въ то время, когда ее видѣли въ объятіяхъ королевы. Тогда составленъ объ этомъ событіи протоколъ и подписанъ всѣми видѣвшими это явленіе (Историческій и Статистическій журналъ 1815 года).

5) Въ апрѣлѣ 1886 года въ Гаврѣ съѣхались нѣкоторые иностранные ученые специально съ цѣлью присутствовать на опытахъ съ Леонією (м-ръ Гёрни, м-ръ Майерсъ, братъ его д-ръ Майерсъ, д-ръ Охоровичъ и др.). Вечеромъ 22 апрѣля, пишетъ м-ръ Майерсъ, мы обѣдали у доктора Жиберы, и за обѣдомъ было рѣшено, что онъ произведетъ опытъ усыпленія Леоніи на разстояніи, не покидая своего дома, заставить ее придти къ себѣ. Въ 8 ч. 55 мин. вечера онъ удалился въ свой кабинетъ, а д-ръ Охоровичъ, братъ мой, проф. Жане и д-ръ Марилье отправились къ павильону, въ которомъ жила Леонія, и начали ожидать около него на улицѣ, въ такомъ мѣстѣ, что ихъ изъ этого павильона замѣтить было невозможно. Въ 9 часовъ 22 минуты д-ръ Майерсъ увидѣлъ, какъ Леонія прошла половину разстоянія отъ павильона до воротъ, но затѣмъ вернулась обратно. Лица, наблюдавшія ее на болѣе близкомъ разстояніи, замѣтили, что она находилась въ сомнамбулическомъ состояніи, блуждала по

двору и бормотала что-то. Въ 9 ч. 25 м. она вышла, наконецъ, изъ воротъ (съ плотно закрытыми глазами, насколько можно было замѣтить), быстро прошла мимо проф. Жа́не и д-ра Мариле, не замѣтивъ ихъ, и двинулась къ дому д-ра Жи́бера, но не по кратчайшей дорогѣ. Идя по улицѣ, Леонія обходила фонарные столбы, тумбы и пр., но шла какъ то странно, переходя по нѣсколько разъ улицу взадъ и впередъ. Слѣдившія за нею лица двигались за ней слѣдомъ на нѣкоторомъ разстояніи. Минутъ черезъ восемь или десять шаги ея сдѣлались весьма неуверенными, и она остановилась, какъ бы собираясь упасть. Д-ръ Майерсъ взглянулъ на часы: было 9 часовъ 35 м. вечера. Черезъ 5 минутъ она оправилась и въ 9 ч. 45 м. вечера достигла, наконецъ, дома, гдѣ живётъ д-ръ Жи́беръ. Она вошла въ него, встрѣтилась съ нимъ, но не узнала его и начала блуждать по комнатамъ перваго этажа. Наконецъ, д-ръ Жи́беръ взялъ ее за руку, тогда она узнала его и успокоилась. Д-ръ Жи́беръ, до сообщенія ему отчета о происходившемъ съ Леоніей въ павильонѣ и на улицѣ, разсказалъ своимъ гостямъ слѣдующее: отъ 8 ч. 55 м. до 9 ч. 20 минутъ онъ думалъ о Леоніи напряженно; отъ 9 ч. 20 м. до 9 ч. 35 м. онъ думалъ уже менѣе сосредоточенно, въ 9 ч. 35 м. пересталъ вовсе думать и началъ играть на билліардѣ (это былъ моментъ остановки Леоніи на улицѣ); но черезъ нѣсколько минутъ онъ началъ снова сосредоточивать свои мысли на предметъ опыта и продолжалъ это дѣлать до входа Леоніи въ его домъ. Теперь опишу нѣкоторые изъ моихъ телепатическихъ опытовъ, помѣщенныхъ въ моей книгѣ „О безсмертіи души“.

1) Опытъ 25 произведенъ 12 октября 1884 г. надъ подпоручикомъ П. Вы́зжевымъ въ присутствіи профессора медицинскаго факультета А. Н. Як., д-ра М. и натурали-

ста Ш. Задача, предложенная проф. Я. заключалась въ томъ, что *субъектъ долженъ былъ лѣвой рукою дотрогнуться до воротника своего мундира*. Призванному изъ другихъ комнатъ субъекту завязали плотно глаза въ нѣсколько разъ сложеннымъ платкомъ и посадили въ кресло; а я расположился противъ него въ трехъ шагахъ (семь футовъ). Рядомъ со мною сѣли всѣ свидѣтели. Обѣ руки субъекта находились на колѣняхъ. Начало опыта 10' 5" минутъ вечера, 10' 8" —вздрагиванія тѣла. Субъектъ уснулъ крѣпкимъ сномъ. 10' 9" —голову откинулъ назадъ; движеніе правой кисти руки. 10' 10" — судорожныя сокращенія всей правой руки, находящейся на правомъ бедрѣ. 10' 11" — лѣвую руку съ колѣна опустилъ внизъ и сейчасъ же судорожно поднялъ и положилъ на подложечную ямку. 10' 12" — лѣвую руку поднялъ до подбородка и затѣмъ схватилъ ею воротникъ мундира и держалъ его до тѣхъ поръ, пока я не прекратилъ опыта. Опытъ этотъ произвелъ на свидѣтелей, особенно на проф. Я. сильное впечатлѣніе. Сомнѣнію не было никакого мѣста, а между тѣмъ опытъ не поддавался никакому научному объясненію.

2) Опытъ 49 произведенъ мною надъ моею женою 26 ноября 1885 года въ присутствіи проф. медицинскаго факультета П. Н. К. Послѣдній предложилъ испытуемой слѣдующую задачу: *написать латинскую букву S*. Я расположился отъ испытуемой на разстояніи 3 футовъ. Начало опыта 10' 35" вечера 10' 35¹/₂" — подергиванія въ правой рукѣ. 10' 36¹/₂" — чертитъ на бумагѣ различныя линіи. 10' 39" — испытуемая написала отчетливо большую латинскую букву S.

3) Опытъ 55 съ юнкеромъ Ивановскимъ 17 декабря 1885 года въ присутствіи проф. медицинскаго факультета Н. П. С. Задача, предложенная послѣднимъ, заключа-

лась въ томъ, что *субъектъ* долженъ направиться къ столу, стоящему у окна моего кабинета и взять находящуюся на немъ фотографическую карточку академика Бутлерова. Но нужно знать, что раньше карточка эта была поставлена нами надъ ручкою двери, находящейся насупротивъ окна, но потомъ порѣшили положить ее на столъ. Начало опыта въ 9' 30" вечера. Разстояніе между мною и субъектомъ равнялось 3 футамъ. 9' 35"—субъектъ направился къ двери и рукою ощупываетъ то мѣсто, гдѣ прежде мы поставили карточку. 9' 38"—возвращается назадъ на середину комнаты. 9' 42"—направился къ столу и взял карточку. 9' 45"—пытится назадъ и останавливается передо мною.

4) Опытъ 31 произведенъ надъ подпорщикомъ П. Выѣзжевымъ 30 октября 1884 года. Вечеромъ во время своихъ занятій въ кабинетѣ мнѣ блеснула мысль сдѣлать опытъ надъ В., находившимся въ это время у насъ въ гостяхъ. Меня крайне занимала та мысль, что исполнить ли онъ мысленное требованіе, если заранѣе ничего не будетъ знать о моихъ намѣреніяхъ. Г. В. находился въ столовой комнатѣ за чайнымъ столомъ, въ обществѣ нѣсколькихъ дамъ, на разстояніи 50 футовъ отъ меня. Моя задача заключалась въ томъ, что я мысленно потребовалъ, чтобы онъ пришелъ ко мнѣ въ кабинетъ. Но такъ какъ я находился за нѣсколько комнатъ отъ субъекта и не могъ наблюдать его, то я поручилъ женѣ своей внимательно слѣдить за каждымъ движеніемъ субъекта для того, чтобы всѣ подробности передать мнѣ въ точности послѣ окончанія опыта. Нужно имѣть въ виду, что между кабинетомъ и столовой комнатою, гдѣ находился субъектъ—помѣщаются еще двѣ комнаты: зала и гостинная; всѣ четыре комнаты расположены по прямой линіи, такъ что, если

всѣ двери открыты, какъ было во время опыта, то изъ моего кабинета видна средняя часть столовой комнаты, приходящаяся противъ открытыхъ дверей. Но такъ какъ субъектъ сидѣлъ не противъ дверей, а совершенно въ сторонѣ, а именно у конца чайнаго стола, то я не могъ видѣть его изъ своего кабинета. Начало опыта въ 8 часовъ 30 минутъ вечера. Я смотрѣлъ изъ кабинета по тому направленію, гдѣ сидѣлъ субъектъ, и думалъ напряженно о своей задачѣ. 8 33"—я слышалъ изъ кабинета, какъ субъектъ жаловался окружающимъ на тяжесть головы и подергиваніе руки. 8' 36"—жалобы субъекта продолжаются, онъ выражаетъ свое удивленіе, что вдругъ почувствовалъ слабость силъ и склонность ко сну. При этомъ я слышалъ хохотъ находящихся въ столовой дамъ, 8' 40'—въ столовой комнатѣ полная тишина; изъ кабинета не слышно никакого звука. 8 55'—тишина въ столовой продолжается, жена моя явилась въ кабинетъ и сообщила, что субъектъ уснулъ. 9'—я вижу изъ кабинета, какъ субъектъ съ закрытыми глазами направляется медленно къ кабинету, пошатываясь изъ стороны въ сторону... Вслѣдъ за субъектомъ идутъ дамы, опасаясь, что-бы онъ не грохнулся о полъ. 9' 2"—субъектъ дошелъ медленными шагами до моего кабинета и остановился какъ разъ противъ меня. Я посадилъ его въ кресло, и, дунувъ въ лицо, разбудилъ. Замѣчательно то обстоятельство, что чѣмъ ближе онъ подвигался къ кабинету, тѣмъ шаги его становились быстрее и тверже. По окончаніи опыта, жена передала мнѣ, что не успѣлъ я приступить къ опыту (пока жена дошла отъ кабинета до столовой), какъ у субъекта начались подергиванія мышцъ лица и верхнихъ конечностей. Спустя нѣсколько минутъ (она наблюдала безъ часовъ, чтобы не обратить на себя вниманіе субъекта) началась

сильная зѣвота, по временамъ смыканіе глазъ и судорожныя подергиванія въ нижнихъ конечностяхъ. Субъектъ безпрестанно нагибался всѣмъ туловищемъ назадъ и впередъ, и, наконецъ, всталъ на ноги и направился въ кабинетъ. Изслѣдованіе мое показало, что сонъ былъ очень глубокій, анестезія (нечувствительность) общихъ покрововъ тѣла полная, члены были въ каталептическомъ состояніи (т. е. сохраняли разъ данное имъ положеніе), дыханіе нѣсколько ускорено—33, пульсъ въ минуту 105', кожа была нѣсколько влажная. Субъектъ ничего не помнилъ, что происходило съ нимъ, проснулся очень удивленно и дико озирался вокругъ. Слабость послѣ опыта была незначительная и продолжалась только нѣсколько минутъ *).

Вышеприведенные случаи сомнамбулическихъ и телепатическихъ феноменовъ едва ли можно объяснить чувственнымъ или мозговымъ сознаніемъ, такъ какъ въ нихъ внѣшнія чувства человѣка не принимаютъ участія, и они имѣютъ, несомнѣнно, сверхчувственное происхожденіе.

А. III.

Конецъ.

*) О безсмертіи души, стр. 62, проф. А. Шилтова, Харьковъ, 1893. Настоящій случай съ планомъ квартиры напечатанъ въ англійскомъ ежемѣсячномъ журналѣ (Journal of the Society for. Psychical Research, 1885, February, London).

Надлеръ В. К. Профес. Продолженіе «Лекцій по Всемирной Исторіи» профес. М. Н. Петрова [съ 1792—1800 г. (стр. 223—304.)] Харьк. 1894 года цѣна 50 к.

— Лекціи по новѣйшей исторіи. (Революціонный періодъ 1789—1815 г.), служащія окончаніемъ «Лекцій по Всемирной Исторіи» Проф. М. Н. Петрова (печатаются).

Петровъ М. Н. Лекціи по Всемирной Исторіи, т. 2-й. Исторія Среднихъ вѣковъ. Обработан. проф. В. К. Надлеромъ. Харьк. 1888 г. ц. 2 р. 50 к.

— Лекціи по Всемирной Исторіи т. 3-й. Исторія Новыхъ вѣковъ. (Реформаціонный періодъ). Въ обработкѣ В. П. Бузескула. Харьк. 1888 г., ц. 1 р. 50 к.

— Лекціи по Всемирной Исторіи, т. 4-й. Исторія Новыхъ вѣковъ. (Отъ Вестфальскаго мира до эпохи національнаго конвента). Въ обработкѣ проф. В. П. Бузескула. Харьк. 1894 г., цѣна 1 р. 75 к.

Сахаровъ А. По русской землѣ. Географическіе очерки и картины для чтенія въ семьѣ и школѣ. Моск. 1890 г. ц. 1 р. 75 к. Одобрена Учен. Комит. М. Н. Пр. для ученическихъ библіотекъ всѣхъ средн. и низш. учебн. зав. Учебн. Ком. Вѣд. по Учреж. Имп. Маріи одобрена въ качествѣ пособия при преподаваніи географіи и для учен. библиотекъ стар. классовъ. Учебн. Ком. при Свят. Синодѣ допущена для библіотекъ мужск. духовныхъ и женск. епархіальн. училищъ.

Магазинъ снабженъ книгами по всемъ отраслямъ знаній, духовной, свѣтской и педагогической литературы и имѣетъ большой запасъ учебныхъ книгъ для всехъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній.

Изъгороднимъ высылаются всѣ книги, существующія въ продажѣ.

Изъгородніе книгопродавцы, какъ на собственныя изданія, такъ и на всѣ чуждыя изданія въ Харьковѣ, пользуются обычною уступкою. Всѣ требованія исполняются скоро и аккуратно.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА

готовится къ печати второе дополненное изданіе книги:

„О БЕЗСМЕРТІИ ДУШИ“.

Цѣна 40 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

Проф. В. К. Надлеръ. Лекціи по новѣйшей исторіи. (Револю-
ціонный періодъ 1789—1815 г.), служащія окончаніемъ
„Лекцій по всемірной исторіи“ проф. М. Н. Петрова.